

ГАНЕМАН И БЕРАНЖЕ

А.А. Карпеев

Национальный совет по гомеопатии (г. Москва)

Hahnemann and Beranger

A.A. Karpeev

National council for homeopathy (Moscow, Russia)

РЕЗЮМЕ

В очерке представлены впечатления и соображения о влиянии поэзии выдающегося французского поэта на деятельность гениального создателя гомеопатии.

Ключевые слова: Блок, Беранже, Ганеман, стихотворение, медицина, гомеопатия.

RESUME

The essay presents impressions and considerations about influence of famous French poet on work of genius creator of homeopathy.

Keywords: Blok, Beranger, Hahnemann, poem, medicine, homeopathy.

Недавно довелось посмотреть старый замечательный советский фильм «У озера». Еще раз восхитился умению старых мастеров создать крупное, существенное, запоминающееся. На фоне нынешних «стрелялок» и криминальных разборок фильм С. Герасимова воспринимается как чудесное откровение, бередящее душу и сердце, заставляющее думать и чувствовать. И как современно звучит в фильме потрясающее блоковское стихотворение «Скифы» в неподобающем исполнении Натальи Белохвостиковой. Именно в эти дни я готовился к проведению научно-практической конференции, посвященной основателю гомеопатии Самуилу Ганеману, поэтому в этом великолепии выделил строки:

«Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно все – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений».

Обращает на себя внимание слово «сумрачный». Кого из немецких гениев конкретно имел в виду поэт? Великого ученого Лейбница, ярчайших философов Канта и Гегеля, влестителей человеческих душ Гете и Шиллера, выдающихся композиторов Баха, Бетховена и Генделя (и это только XVII–XVIII века)? Понятно, что ни того, ни другого, ни третьего. «Сумрачность» – это в данном случае характеристика не человеческого характера, а эпохи. Это была эпоха выхода человечества из многовекового мрака, гнетущая атмосфера которого ослаблялась очень медленно. Не менее, а, быть может, и более гнетущей была обстановка в ме-

дицине. Подумать только: полторы тысячи лет (!) европейская медицина освещалась лишь солнцем идей Галена, которые, будучи некогда яркими и жизнеутверждающими, постепенно превратились в тяжкие и бесплодные оковы, сдерживающие любое развитие. Даже гениальные идеи Авиценны и Парацельса захлебнулись в этой трясине (ни в коей мере не позволительно обвинять в этом Галена, он был великим первопроходцем, во многом даже, может быть, более великим, чем Гиппократ, но безликие и популистские последователи превратили его идеи в догму, остановили их развитие, законсервировали и постепенно превратили его учение в тормоз).

Достаточно прочитав оценки и суждения видных врачей той поры, чтобы почувствовать атмосферу, царившую в медицине той поры. Известный немецкий врач Бергаав пишет: «Если сравнить все хорошее, совершенное какой-нибудь полудюжиной истинных сынов Эскулапа со времени возникновения на Земле врачебного искусства, с тем злом, которое причинили человечеству неисчислимые доктора этого времени, то не окажется никакого сомнения, что было бы выгоднее, если на свете никогда не было бы врачей». Ему вторит живший немного позднее профессор-врач Веденкин: «Значение медицины, если выразиться в нескольких словах, заключается, главным образом, в том, что цивилизованные науки страдают гораздо больше от врачей, чем от болезней». Ну, и наконец, герой нашего очерка Самуил Ганеман писал в 1808 году: «Надо же, наконец, громко и открыто сказать, и да

будет же громко и откровенно сказано перед целым светом: наше медицинское искусство требует полного преобразования с головы до ног. Все, что не нужно, делается, а что самое существенное, то совершенно просматривается». Ему вторит живший чуть позже австрийский врач и анатом Гиртль: «... даже теперь она не перестала быть тем же, чем она была с самого начала – не без усердия собранной по кусочкам и простосердечно исповедуемой системой условных заблуждений». И это далеко не самые критические стрелы, выпущенные в тогдашнюю медицину. Читая эти критические отзывы, трудно отделаться от ощущения, что ядовитые стрелы, выпущенные почти три века тому назад, находят цели и в медицине наших дней. Конечно, со мной не согласятся Министр здравоохранения Российской Федерации Вероника Игоревна Скворцова, президент Национальной медицинской палаты Леонид Михайлович Рошаль, президент Общероссийской общественной организации «Лига здоровья нации» Лео Антонович Бокерия и многие другие (назвал эти три фамилии потому, что они более других на слуху). Они завалят меня цифрами и фактами, свидетельствующими о поступательном движении нашего здравоохранения вперед, о построенных вновь великолепных медицинских центрах, об успехах отечественной трансплантологии и сердечной хирургии, о многом другом, чем, конечно же, мы все должны гордиться, что мы и делаем, поверьте дорогие организаторы и вдохновители наших медицинских побед. Но, как писал поэт: «...и все же, все же, все же, все же...». Мне больно почти ежедневно слышать по телевидению о сборе средств для лечения детей (я восхищаюсь добротой и сердечностью наших людей, но разве лечение, пусть и самое дорогое, не обязанность государства?). Меня пугает так называемая оптимизация сети медицинских учреждений, особенно на селе. Я с тревогой смотрю на тупики, в которых бьются навязанные нам страховая система и лицензирование – или эти гости с Запада нам не годятся вовсе, или мы что-то не так делаем? Я уж не говорю о коммерциализации медицинской помощи, какая может быть платная медицина в стране, где пятая часть населения находится за чертой бедности?

К сожалению, мы редко слышим из уст руководителей здравоохранения критику, тем более самокритику. Исходящая от них эйфория напоминает нам строки из великолепного стихотворения великого П.-Ж. Беранже, зна-

мого нам по пьесе великого А.М. Горького «На дне»:

«Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой».

К сожалению, все сны когда-нибудь заканчиваются, причем чем восхитительнее было сновидение, тем грубее и большее оказывается реальность.

Ганеман очень любил поэзию Беранже. Особенно ему нравилось стихотворение, строфу из которого мы привели. Во французском оригинале оно называется «Глупцы». Но в России оно попало в руки замечательного поэта Василия Курочкина, который не согласился с очень уж невзрачно звучащим на «великом и могучем» русском языке определением «глупцами» героев произведения и назвал стихотворение «Безумцы». Какими же новыми красками заиграло стихотворение! Уже за одно это В. Курочкин полностью разделяет славу с автором этого произведения.

Ганеману особенно нравились следующие строки:

«Ждет Идея, как чистая дева,
Кто возложит невесте венец.
«Прячься!» – робко ей шепчет мудрец,
А глупцы уж трепещут от гнева.
Но безумец-жених к ней грядет
По полуночи духом свободный
И союз их – свой плод первородный –
Человечеству счастье дает».

Видел ли Ганеман себя в роли этого жениха? Как знать. Мы только точно знаем, что оплодотворенная им идея помогла создать великолепный лечебный метод, к сожалению, до сих пор недооцененный, нещадно пинаемый высокомерными академиками и профанами. Мы уверены, что у гомеопатии большое продуктивное будущее.

А как заканчивается это великолепное стихотворение? Вот последние провидческие строки:

«Если б завтра Земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло –
Завтра же целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь».

В медицине свет этой мысли уже настойчиво и упрямо пробивается сквозь слои лжи, выдумок и фальсификаций.

Адрес автора

К.м.н. Карпеев А.А., Председатель правления
НП «Национальный совет по гомеопатии»
KarpeevAA@list.ru